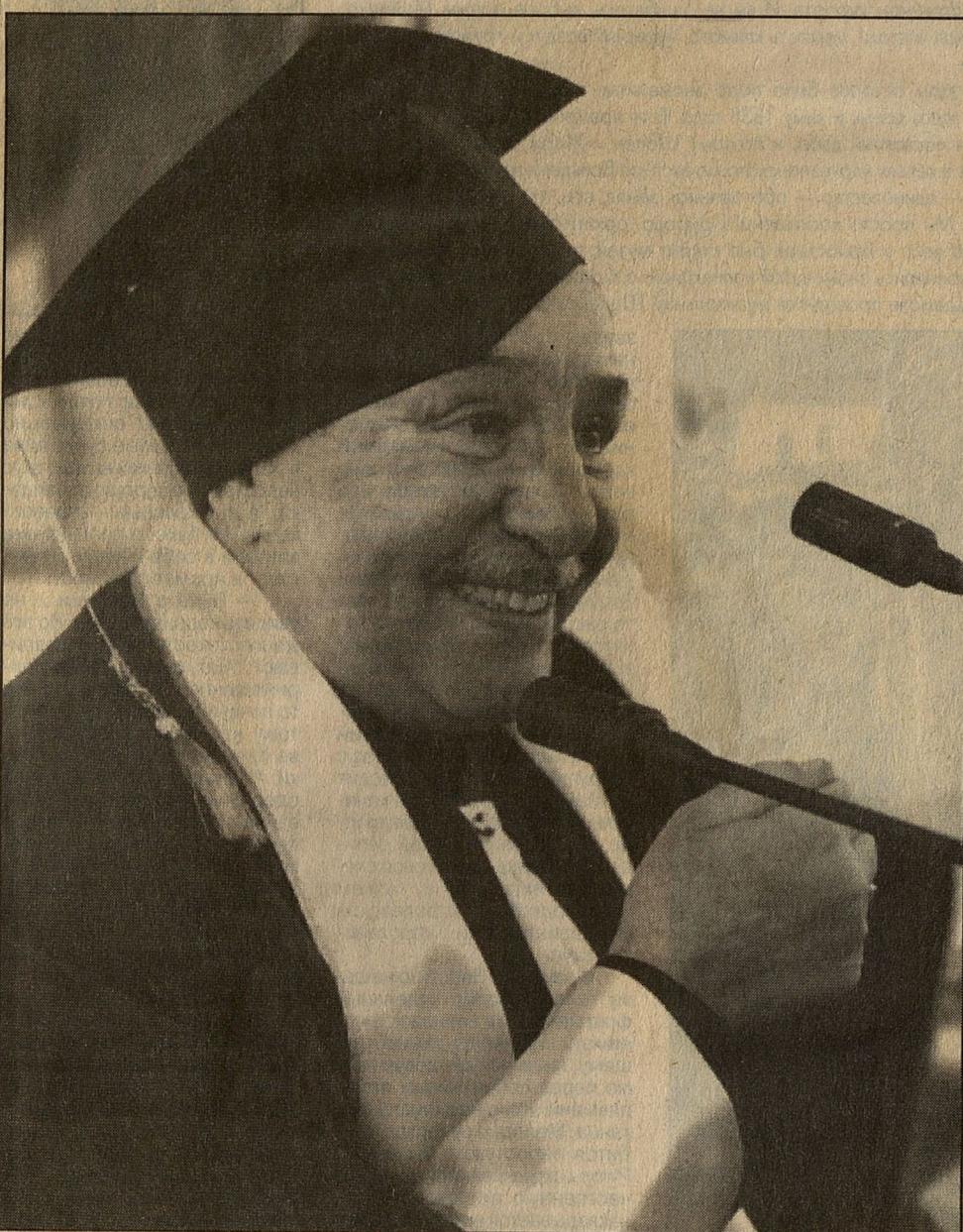

Эрнст **НЕИЗВЕСТНЫЙ:**

Веч. Мелф. - 1997. - Зима. - С. 7.

Я даже помню, сколько стоила водка, когда я был молодым

Лейтенант
Неизвестный Эрнст,
На тысячу верст кругом
равнину утожит смерть
огненным утюгом.
В атаку взвод не поднять,
но сверху в радиосеть:
"В атаку, -
звучит, - твою мать!"
И Эрнст отвечает: "Есть".
Но взводик твой
землю ест.
Он доблестно недвижим.
Лейтенант
Неизвестный Эрнст
идет
наступать
один!
...Лейтенант
Неизвестный Эрнст,
когда окружен бабьем,
как ихтиозавр нетрезв,
ты пьешь за моим столом,
когда пижоны и паиньки
пищат, что ты слаб
в гульбе,
я чувствую,
как Памятник
ворочается в тебе.
Я голову обнажу
и вежливо им скажу:
"Конечно,
вы свежесвыбриты
и вкус вам не изменял,
Но были ли вы убиты
за родину наповал?"

Андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ
1963 г.

ФОТО ИТАР-ТАСС

— Мой адрес: Сохо, Гран-стрит, 81. Это дантаун, на юге Манхэттена. На двери надпись: "Эрнст студио". Только не сегодня. Сегодня я очень занят. Завтра? Завтра тоже нет, у меня люди из Белого дома. Да, это надолго. Давайте послезавтра. Только непременно звоните. Мало ли что.

Нью-Йорк. Май девяностого. С тех пор непременно звонил, встречался, включал диктофон. "Эрнст студио", крохотный кинозал на улице Чехова, Дом культуры МГУ, "Президент-отель", Екатеринбург... Эрнст Неизвестный мечется по свету. Работоспособность фантастическая. Памятник жертвам сталинских репрессий, "Древо жизни", нескончаемые мотивы на тему Христа и креста, выставки расписаны на ближайшие десять лет, ювелирка. Да, да, украшения, интерьерная атрибутика, женские, простите, безделушки. Неизвестный тоже человек, Неизвестному тоже... надо есть. И людям, которые возле него, тоже. Одному из моих друзей, к примеру, предложили дилерствовать, искать покупателя на мелкую пластику великого мастера. Так что, пожалуйста: серия "Сердце Христа", платиновая коллекция оригинальных произведений Эрнста Неизвестного, тираж двадцать экземпляров, цена 250 000 долларов. Звоните, если дороговато, попробуем договориться. Хотелось бы, чтобы хотя кто-то из новых русских раскошелится на Неизвестного. Не пожалеем.

А интервью? Ах, да, интервью! О чем же спросить? Передо мной гигант, энциклопедия, бушующий океан страстей.

— Да, я помню все. Я даже помню, сколько стоила водка, когда я был молодым и жил в Свердловске. Я ведь тоже грешен и я тоже пью русскую водку. Но в первую очередь я скульптор. И все, что я оцениваю, я оцениваю с позиции: делать свое очередное распятие и как его делать, чтобы не повториться. Это единственная оценка моего существования и всего, чем я живу, что я хочу. Водка — это хорошо, друзья — хорошо, "Катюша" — хорошо, но мне надо работать. Снова и снова. Меня ждет распятие.

— Это правда, что вы пытались покончить с собой?

— Если считать попыткой самоубийства отчаянный эпизод художественно воспроизведенный Андреем Вознесенским. Случилось это на 2-м Украинском фронте.

— По всему — по личной биографии, по судьбе, по противоборству обстоятельств — видно, что вы сильный человек. Я бы даже чуть гиперболлизировал — сверхчеловек. Как вы относитесь к нему, например, к Ницше?

— Я признаю Ницше, но не в том смысле, в каком признавал Гитлер. Дело в том, что ни Ницше, ни Вагнер не виноваты в том, что Гитлер любил их. Ницше и сегодня воспринимается как приложение к гитлеровской идеологии, но это совсем не так. Я признаю Ницше, очень люблю его, считаю его поэтическим философом, если из его творчества не делать политический вывод. Больше всего мне нравится фраза Ницше о том, что он любит людей, слова которых бегут впереди их дел. Я тоже верю в магию слова, верю, что произнесенное слово проецирует действительность. В этом смысле я придерживаюсь платоновской идеи "сперва идеи, потом предметы". Так я понимаю Ницше.

— Иосиф Бродский говорил, чтобы выжить в Америке, надо быть толстокожим. Мне рассказывали, что вас, скульпторов Суриковского института, называли слонами. Вы и впрямь выжили, но, наверное, не только потому, что вы толстокожий?

— Действительно, на нас, молодых студентах Суриковского, выпала вся тяжелая работа по переноске тяжестей, по уборке помещений. А в Америке жить очень и очень трудно. Многим даже трудно представить, как нелегко здесь жить. Вы, скажем, находитесь в мелководной речушке и устали. Вы можете сесть на камушек, отсидеться и снова встать. В Америке же это выглядит примерно так: неожиданно ты оказываешься в бушующем море и надо

плыть, чтобы достигнуть берега. Ритм Америки навязывает людям грандиозную возможность проявить себя, но и вместе с тем — грандиозную возможность утратиться, утонуть... Впрочем, нечто подобное уже происходит в России.

— Почему все-таки вы выбрали для себя Америку, Нью-Йорк? Мне представляется, что страны старой Европы — лучшее место для творчества.

— Америка, Нью-Йорк мне сродни, по моему характеру. Человек, впервые оказавшийся в Нью-Йорке, поражается сочетанием чудовищного во всем параболизма, даже в одежде, в манерах, в бытовом, каждодневном. Это гигантский котел варящегося супа, в котором замешаны все продукты мира и каждый день добавляются новые, а он все кипит и кипит. Нью-Йорк — феномен, где сочетаются все века и желания человека XX века. Это не город, это Новый Вавилон. Много я понял и пережил здесь, в этом сумасшедшем городе. Я слушал "Евгения Онегина", на сцене были люди различных национальностей и рас, мелькали желтые, белые, даже красные лица. Ленского пел огромный черный (я давно уже разучился говорить "негр", это звучит оскорбительно, приблизительно как в России говорит "жид" о евреях); двухметровый черный Ленский — это забавно. Дирижировал изысканнейший японец. Но самое удивительное, что "Евгений Онегин" пелся на русском языке с акцентами всего мира. Вот он — символ открытости. И вот когда я думаю о том, что произошло с русской культурой, меня охватывают три одновременных чувства: гордость за русскую культуру, благодарность Америке и боль.

— И вы теперь, простите, тоже варитесь в этом апокалиптическом котле наций, культур, традиций, приняв эстафету многих русских россиян, оказавшихся в свое время в Америке.

— Да, их действительно много: Ивлисон, Орлова, Габо, Берстайн, Цадкин, Лифшиц, еще и еще. А сколько русских бизнесменов в США, которых называют американцами русского происхождения!

Америка — открытая страна. Я бы сказал: в Америке, тела Россы течет и в Америку, шлюзы открыты.

— А как американцы относятся к тем своим детям, что так же, как примерно вы, покидают ее? Злобствуют, проклинают?

— Ну что вы! Совершенно равнодушны. Их художники, как Джон Калдер, к примеру, живут

в Париже, Скандинавии, Мексике, Хемингуэй жил на Кубе. Они разбросаны по всему миру. И Америка не интересуется, вернутся ли они на родину.

Недавно выпущена книга о 34-х гражданах мира в Америке, каждый из них представляет какую-то страну. Не хочу скромничать, скромность не моя профессия, я горжусь тем, что вошел в эту книгу. От России.

— Вы родились в Свердловске, вы — уралец. Банальное любопытство: сниться ли вам родной город? Что значит он для вас?

— Да, я рос в Свердловске, ушел на фронт, вернулся инвалидом Отечественной войны первой группы. Женился в Свердловске, моя дочь родилась в этом городе. Мама была оргсекретарем Союза писателей Урала еще при Павле Бажове, мой отец был директором детского отделения железнодорожной клиники, а дед — одним из организаторов промышленного училища. Он был богатым человеком.

С родным городом меня связывает многое, хотя после войны я там уже не жил. А в последние годы бываю наездами. Но к этому городу у меня и большая нелюбовь, потому что он стал суровым по отношению к родственникам, к маме. Там много пришлось хватить лиха.

— О вашем отношении к Никите Хрущеву, который и вас обозвал в свое время "пидарастом", не спрашиваю, ибо знаю, что от этого вопроса вы звереете.

— Да, зверею, сколько можно об одном и том же. Мое отношение к той его эпохе и к нему много четко выражено в памятке на Новодевичьем кладбище. Надо сходить и посмотреть.

— Скажите, если папа римский предложит вам стать автором памятника Христу, вы согласитесь?

— Мне кажется, что трудно найти скульптора на такой заказ.

— Каким бы "измом" вы оценили то, что происходит сейчас в нашем искусстве? Ведь соцреализма не существует. А что такое, по вашему, живопись, скажем, Петрова-Водкина или фильм Эйзенштейна "Броненосец Потемкин"?

— Да, остались только названные соцреализм. А что он сделал, соцреализм? Есть у французского философа Роже Гароди книга "Реализм без берегов", изданная когда-то у нас закрытым тиражом и получившая огромный резонанс. Чудовищно беспринципная книжонка. Компартия тогда на практике всяко показала, что она отталкивает всю интеллектуальную элиту мира. Гароди решил назвать реализмом все хоро-

шее в культуре, в искусстве. Маяковский — футуризм, Шолохов — реализм... Но это люди, которые на поверку представляли очень хорошее искусство различных мировых культур, от футуризма до натурализма. И Лактионов хороший художник, в Нью-Йорке он был бы реалистом, а не соцреалистом.

— Кто влиял на вас? Врубель, Кандинский, Малевич, Шагал, Цадкин?

— Я бы поставил вопрос иначе: кого из современных художников, в том числе и российских, вы бы оставили, чтобы по ним потомки или инoplanетяне, если бы была уничтожена жизнь, могли восстановить, как палеонтологи, наши цивилизации. Я вынужден честно сказать: из современных художников — никого. Я оставил бы куски цивилизации, как египетская, греческая, мексиканская, возможно, оставил бы иконы. А так, конечно, у меня есть свои любимые художники. Но в действительности, когда я хочу усладиться, я переставлю себя анатомом. Как можно, например, отличить сноба от производителя? У сноба всегда безупречные вкусы, потому что он потребитель. А у производителя всегда вкус плоховат, потому что его меньше, например, интересует женская красота. У художников часто вкус хуже, чем у литературоведов или у потребителей. Скажем, Достоевский любил Жорж Санд. Но ведь в его эпоху были писатели и покруче. Да и у Микеланджело тоже были неважные вкусики. Конечно, мы должны всегда помнить, "из какого сора растут стихи, не ведая стыда". А ближе всех мне, пожалуй, Филонов. Ближе своей проблемой синтетике.

— Что будет с нашей горбачевско-ельцинской демократией? Не страшитесь ответить на такой вопрос?

— Я, конечно, не Кассандра, но вот мой долговременный прогноз. Вы, кстати, знаете, почему пророки никогда не ошибаются? Потому, что от них не требуют конкретных немедленных решений. Если пророк предскажет, что вы будете наказаны или где-нибудь что-нибудь рухнет, тогда-то вы и в самом деле будете наказаны и в самом деле где-то что-то рухнет. Так вот, дальнейшая демократизация общества неизбежна в силу технократизации и сужения мира, среды проживания. Поэтому даже если власть в России захватит человек с самыми жесткими антидемократическими лозунгами, а такое вполне возможно, то хочу спросить: что он будет делать со своей властью? Людей-то надо кормить. Мы видим, как авторитарские системы сегодня сами сдают позиции и переходят к демократии, потому что они задыхаются в своих тоталитарных рамках. Они задыхаются под напором общемировой цивилизации. Так что в долговременной перспективе процесс дальнейшей демократизации в России неизбежен.

— С вашей легкой руки и благословения, Эрнст Иосифович.

...Не забудьте: "Сердце Христа", платина, золотого тиража — двадцать экземпляров, цена — 250 000 долларов, автор — Эрнст Неизвестный.

Встречался
Фиделю
МЕДВЕДЕВ.

98